

Николай Лесков

Театральная хроника
Русский драматический театр

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Л50

Л50 **Лесков Н.**
Театральная хроника: Русский драматический театр / Николай Лесков – М.: Книга по Требованию, 2012. – 48 с.

ISBN 978-5-4241-2308-5

Николай Семенович Лесков широко, объективно отразил в своих произведениях жизнь российского общества его эпохи - эпохи отмены крепостного права, пробуждения деловой активности масс, размежевания интеллигенции на разные идеологические "станы". Большое внимание уделял Лесков и русской старине, считая ценным для развития общества накопленный тысячелетиями народный опыт. Документальность многих его произведений сочетается с художественной выразительностью, психологической глубиной, яркостью языка.

ISBN 978-5-4241-2308-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Семенович Лесков
ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.
РУССКИЙ
ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

I

Наступивший театральный сезон обещает немало новостей для русской сцены. Новости эти все обещаны, впрочем, одной лишь репертуарной части театров: наши литераторы нынешнее лето, как бы сговорясь, дружно-таки потрудились для русской сцены. И старые сценические писатели, и беллетристы, знакомые до сих пор публике в одном лишь повествовательном роде, нынешний год рискнули попробовать себя в роде сценическом. Пьес новых будет много, и нам будет что сообщить из театрального света интересующимся столичною сценою нашим иногородным читателям.

Мы не знаем, нужно ли нам на первой же странице нашей хроники говорить, что мы во всех своих отчетах прежде всего будем дорожить сохранением всякой справедливости и уважения к силам, служащим русской сцене. Наш скромный молодой журнал до сих пор не подал, кажется, никому никакого повода к обвинению нас в неуместных пристрастиях, и мы надеемся не изменить себе в этом беспристрастии по всем вопросам, каких нам придется касаться в дальнейших книжках нашего скромного издания. Театр также, конечно, не найдет нас по отношению к себе в исключительной роли. Мы будем к нему относиться не только справедливо, но и с осторожностью, отсутствием которой, по нашему мнению, так часто страдают многие рассуждения о театре. Мы припоминаем высказанное в прошлом году в одной из газет мнение об этом почтенного московского артиста С. В. Шумского и находим его весьма справедливым. Суждения о театре у нас гораздо чаще злы, чем справедливы; в них постоянно звучало гораздо более желания оборвать дирекцию или артистов, чем желания вникнуть в дело и сообразить значение известного явления с причинами, его создающими, с причинами, в связи с которыми только и возможно самое простое и самое верное отношение к нашему театральному миру.

Мы не без некоторой самоуверенности можем сказать, что мы театральный мир несколько знаем; но мы не принимаем особого участия в интересах ни одной из его партий. Гг. Самойлов, Павел Васильев, Зубров, Пронский, Бурдин или Малышев для нас только артисты, об игре которых мы будем судить, не стесняясь тем, что г. Самойлова принято хвалить или проходить неудачные его дебюты скромным молчанием, а г. Бурдина принято ругать, проходя молчанием злостным те его дебюты, в которых он выходит артистом, не теряющим права на внимание добросовестного рецензента. Мы не видим также причин заниматься одними корифеями нашей сцены: для нас дороги все, кто служит услаждению чувства, увлекающего зрителей под кровлю нашего русского театра. Мы, напротив, стараемся не забывать менее заметных наших артистов. Мы припоминаем нашим читателям, что в те более счастливые времена, когда нашу сцену украшали имена Каратыгина, Мартынова и ныне ветхого деньми г. Сосницкого, а в критическом отделе «Отечественных записок» писало лучшее до сих пор русское критическое перо, — перо это не гнушалось дать отзыв о фарсе и водевиле, которые тогда бывали, конечно, нимало не лучше тех, какие даются нынче, и оценивало достоинство игры исполнявших эти пьесы таких скромных артистов, пред которыми гг. Алексеев, Бродников, Марковецкий, Сазонов, Озеров и Горбунов совсем не карлики и не бездарность.

Боясь злоречия людей, которые ищут придинок, мы спешим оговориться, что мы знаем меру наших сил и не обещаем рецензий, которые тянулись бы дорастать до всегда верных, коротких, но полных содержания отзывов Белинского. Мы говорим только, что мы постараемся вести нашу театральную хронику так, чтобы не опускать ничего достойного внимания любителей театра и в то же время не обратить ее в площадь ругательств для одних из наших артистов и в канон хваления для тех из них, которых принято хвалить, хотя бы они этой похвалы заслуживали менее любого из меньших, подвигающихся с ними на одних и тех же досках.

От обязанности безусловных хвалений и поклонений мы совершенно свободны, а порицать, и только порицать ради того, что все могло бы быть гораздо лучше того, чем оно есть, — не видим основания и, кроме того, считаем это вредным. С. В. Шумский очень справедливо заметил, к чему ведет такое отношение литературы к артистам: они озлобляются и научаются пренебрегать литературными отзывами о своем служении.

Такой неуместной суровости мы в своих суждениях будем избегать и надеемся, что интересующиеся театром наши читатели на этом ничего не потеряют; а, может быть, ничего не потеряют и самое дело, которому слабое слово наше будет спешить на посильную услугу.

Того же самого тона мы намерены держаться и в отношениях наших к театральной дирекции.

Несмотря на то, что подкапываться под репутацию этого учреждения в такой же моде и в обычаях, как, например, для одних аплодировать Самойлову, а для других Павлу Васильеву; несмотря и на то, что мы совершенно свободно и независимо можем поддерживать это, обычаем освященное, подкапыванье, — мы от этого несколько поостережемся.

Надеемся, что нам и в этом случае жалеть не придется: можем так думать хоть потому, что все ведшееся до сих пор под театральную дирекцию подкопы не принесли делу ровно никакой пользы. Не будет ли полезнее всматриваться в ее способ дирижирования театрами тише, смирнее и солиднее?

II

Наш русский драматический театр в Петербурге плох. Говоря это, мы не говорим ничего нового. Это знают все; это повторяется беспрестанно, и, что всего важнее, это, к сожалению, совершеннейшая правда. Театр наш не только не отвечает величию нашей столицы и значению, которое должен бы иметь петербургский театр для всех театров в России; он не только безмерно хуже московского театра, но с ним нередко могут соперничать некоторые провинциальные театры, как, например, в былые времена Харьковский и в некоторые годы Киевский. Личный состав нашей драматической труппы самый печальный и заставляет желать для него капитального ремонта. У нас очень мало талантливых актеров, и из большого числа состоящих на жалованьи дирекции артисток, за исключением г-жи Линской, нет почти ни одной такой даровитой актрисы, чтобы о дарованиях ее можно было сказать что-нибудь выходящее вон из ряда. То, чему мы рукоплещем в игре наших петербургских артисток, едва ли не было бы рядовыми, обыкновеннейшими местами у киевской Степановой, у Стрелковой, у Шмидгоф, у состарившейся Млотковской и у многих других провинциальных актрис.

Мы бедны наличными силами нашего русского персонала; бедны ужасно, несказанно; так бедны, что беднее нас нет театра ни в одной европейской столице: бедность наша светится в каждую нашу прореху, и нам нет средств скрывать ее. Этой ужасающей бедности нужна скорая помощь, и не эфемерная помощь.

В чем же должна состоять эта помощь?

Ответ ясный и простой: в привлечении к театру новых, свежих сил, как успевших уже заявить себя, так и стремящихся заявиться и готовых на иску.

Где должны быть отыскиваемы эти силы?

Полагаем, столь же неопрометчиво будет отвечать, что повсеместно, по лицу русской земли. Там, на всем великом пространстве этой земли, питомник всяческих талантов и дарований, которые притягивает и берет себе наша столица. Сила всего не в ней самой. При одних дарованиях ее прирожденного населения она скоро заговорила бы языком коломенских моншеров и чухонских кофейниц. Ее лучшие государственные люди, ее даровитейшие литераторы, ее поэты, ученые, художники и ее замечательнейшие актеры — все почти родились не здесь: они увидали свет не под серым небом Петербурга и учились чувствовать не в здешней школе чувства.

Исключения из всего сейчас сказанного если и существуют, то они необыкновенно редки.

Отчего же оскудевший людьми русский с.-петербургский театр не вспомнит о провинциях? Не там ли найден М. С. Щепкин? Не оттуда ли прибыли сюда почтенные Осип Петров и Павел Васильев? Не оттуда ли взяты лучшие имена, украшавшие нашу сцену?

Да, они все почти взяты оттуда.

Но, может быть, нынче на них недород и там? Может быть, земля русская вся изнигилистничалась и оскудела даровитостью? Может быть, одновременно с исчезновением великих поэтов, достойных идти за Пушкиным и за Лермонтовым, исчезли и актеры, способные стать вровень с Мочаловым, Каратыгиным и

Мартыновым?

Может быть. Но эти два положения, к сожалению, не в равной степени доказаны. Что у нас нет ни поэтов, приближающихся по силе талантов к Пушкину и Лермонтову, ни молодых романистов, годных идти бок о бок с Гончаровым, Тургеневым, Писемским, — это доказано. Публика не может в этом сомневаться, и ей не на кого сетовать, потому что страницы журналов открыты каждому, желающему выходить на литературную дорогу, и редакции терпят постоянный и тягостнейший недостаток в художественных произведениях. Цены литературного гонорария растут с неимоверною быстротою, и люди, работающие в этом роде с самыми посредственными силами, пользуются в обществе успехом.

Тут дело вполне доказанное, и общество может пенять только на одно свое время. Не то представляет театр.

III

Из провинций беспрестанно приносятся вести о талантливых людях, фигурирующих при скромнейшей обстановке на тамошних сценах. В хвалах, которые слагаются этим людям, весьма основательно подозревать свою долю преувеличений, может быть, даже и очень больших; но все эти хвалы очень легко поддаются поверке. Можно допустить, что провинция очень нетребовательна, а Петербург не в меру даже строг и разборчив; но допускать это можно только в известной степени, и то не в применении к нынешнему Петербургу, поневоле удовлетворяющемуся даже нынешним Александринским театром. И, кроме того, есть же проба; есть возможность близко узнать силы заставляющих говорить о себе провинциальных артистов, доставляя им средства показать себя при этой самой петербургской публике, обвиняемой в той щепетильной разборчивости, которую ей действительно не стыдно бы обнаруживать и которой она с давних пор не обнаруживает, хлопая по привычке лишь г. Самойлову и не умея отмечать редкой отделки места в игре П. И. Зуброва и из ничего творившего многие роли А. А. Яблочкина.

Пошли ли бы хорошие, пользующиеся заслуженною славою, провинциальные артисты на такие испытания?

Всёконечно, пошли бы. Кто знает театральных людей России, тот знает, что попасть на Императорский театр — это задушевнейшая мечта каждого провинциального актера и актрисы. Иначе этого и быть не может: один только Императорский театр у нас и обеспечивает сколько-нибудь пансионом старость отслужившего артиста, а кому же сладко думать о смерти на госпитальной койке богоугодного заведения? Полагаем, немного эксцентрических людей, которым мило такое призвание.

Но отчего же никто или почти никто из хороших провинциальных актеров не пробует стучаться на петербургскую сцену?

Большою ошибкою будет, если мы подумаем, что они не стучались, да еще и поныне не пробуют стучаться; но будет верно, что этой охоты стучаться все становится менее и менее.

Не странно ли такое явление при виде здешней бедности в даровитых актерах и при внимании к бедности даровитых провинциальных актеров в средствах рассчитывать на кусок хлеба под старость? Не удивительно ли, что охота пытаться на здешнюю сцену уменьшается и почти сходит на нет, как раз параллельно тому, как на здешней сцене убывает и сходит на нет даже тень прямой даровитости?

В чем же тут дело? Затворены ли двери нашей Александринки для новых дебютантов? — Нет, двери отворены. Пробные дебюты дозволяются. — Был ли здесь кто-нибудь из пришлых людей, дебютировавший с успехом? — Были очень многие. — Где же они нынче? — А там же, откуда приходили: в широкой матушке нашей России, кочуют по ярмаркам, голодуют по холодным провинциальным театрам.

Попробуйте на минуту допустить, что дебютанты играли хорошо для смысла ценителя игры, но, что по-театральному называется, было дурно приняты публикой.

Ничуть не бывало! — А где тот молодой артист, который приводил в восторг александринскую залу чистою, бесподобною игрою в роли Вышневого в пьесе «Доходное место»? А где Линовская, о таланте которой хотя трудно сказать многое, но которая была бы все-таки здесь кладом для крестьянских ролей? Где даже хорошие артисты, имеющие звание императорских? Где Павел Никитин? Отчего мимо Петербурга проехал в провинцию московский Рассказов — комик, способнее тех, которых мы здесь имеем? Где теперь артист Зубов, которым в прошедшую зиму все были так довольны и которого хвалили и журналы, и газеты? Он неподалеку — в Кронштадте, в том самом Кронштадте, из которого не видна была в Петербурге г-жа Степанова, с весьма многих голосов называемая ныне прямо «первою русскою актрисой». Петербург не усмотрел ее и не усматривает и ныне, и счастье видеть эту действительно прекрасную актрису принадлежит Киеву, где зато у этой высокой артистки и создано достойное ее высокое положение.

Но довольно. Если бы мы стали продолжать выписывать имена известных в России талантливых актеров и актрис, искавших возможности попасть на нашу бесталанную Александринскую сцену, мы бы могли представить весьма длинный список, по прочтении которого степень овладевающего нами недоумения осталась бы та же, что и теперь, когда мы ограничиваемся именами, только что приведенными. Посмотрим лучше: помнит ли все эти имена, или хотя некоторые из них, общество и литература? Просвещеннейшие из любителей русского театра помнят и зачастую вспоминают их, и всегда сетуют, что не видят перед собою этих людей; а литература... Литература вступалась за многих из них, просила за них, свидетельствовала об общем желании их видеть, указывала на возможность их ангажемента без прибавки бюджета, единственно лишь путем сокращения бесконечного числа совершенно ни к чему не способных актрис. В награду за эти хлопоты литература получила одну возможность хорошим опытом убедиться, что упрекать должностных лиц, стоящих во главе ведомств, в слабости характеров не всегда удобно и полезно.

Литература поняла это и перешла к глумлениям над действительно заслуживавшим всякого глумления русским театром с его администрациею. Литература, негодуя на великое равнодушие театрального ведомства, увлеклась и, впадая в тон, свойственный легкомысленной раздражительности, образовала такие отношения к театру, что они, как заметил г. Шумский, совсем покончили всякое общение между двумя столь дорогими друг другу существами, как актер и критик.

IV

Мы начинаем первую театральную хронику в нашем молодом журнале в весьма благоприятное время для русского театра в Петербурге. Мы могли бы, кажется, не согрешая сказать — не только «в весьма благоприятное», но даже в самое благоприятное. Мы пишем ее в дни надежд, а у нашего театра так давно, давно не было даже и надежд.

Нам неизвестно, голос ли общества, недовольного русским театром в Петербурге, достиг до слуха министерства Двора, или министерство само пришло к убеждению в потребности некоторого обновления в управлении театрами, или наконец были другие причины перемены директора театров. Городские толки повторяли давно, что прежний директор в этой должности более оставаться не будет, и сулили вместо его на эту должность графа Алексея Константиновича Толстого (автора «Смерти Иоанна Грозного»). Об этом новом назначении, радовавшем всех друзей поэзии и искусства, даже и писали; но по написанному не сталося. Вместо графа Борха, директором театров назначен Степан Александрович Гедеонов, сын недавно скончавшегося в Париже прежнего директора русских театров А. Гедеонова.

Опять безразлично для дела, справедливей ли тот слух, что А. К. Толстой отказался от принятия должности директора, или вернее то, что приглашение его к этой службе было

плодом фантазии многочисленных почитателей графа, любимого в Петербурге и за его поэтическую душу, и за нескрывающиеся достоинства его высокого характера: он не директор, и в этом для многого все.

Тем не менее, расставаясь с долго лелеяемою мечтою видеть театры управляемыми нашим достойным поэтом, мы с радушием приветствуем нового директора г. Гедеонова. До сих пор мы еще не видим ничего, что бы показало, что под его рукою русский театр наш может воскреснуть и, как Феникс, подняться из праха, в который повержен годами своей недоли; но мы хотим быть полны добрых надежд. Мы верим в неотвергаемое значение фамильных преданий, воспитывающих в людях известной семьи известный род симпатий, и думаем, что для наших театров с новым директором Гедеоновым настает, по крайней мере, старое гедеоновское время, столь богатое даровитыми людьми, время, которое по справедливости можно было назвать золотым веком петербургского театра.

Мы не знаем, насколько известен новому директору тот период в жизни русского театра, который прошел с оставления директорской должности его отцом до нынешнего, — период, который, в отличие от золотого века гедеоновского, можно по всей справедливости назвать веком глиняным, веком горшечным. Знакомя своих читателей с положением дел театра, которым собираемся неустанно заниматься в течение всего открытого сезона, мы хотим только попытаться установить для них настоящую точку зрения, с которой следует смотреть на наш театр и на будущее время принимать всякую нашу похвалу и всякое порицание, памятуя рассказанное нами положение театра до сегодня. При таком только памятовании им будут чувствительны и понятны наши отношения к театру, которые людям, не знающим нашего театра, легко могут казаться иногда слишком мягкими, иногда, может быть, даже не в меру восторженными; а мы

уже сказали, что мы не можем быть иными, ибо поднять столь низко опущенный театр, как театр Александринский, — дело немалого труда даже и при больших средствах. Мы это понимаем и говорим это без всякой злобы к бывшей дирекции.

Вследствие старинных недомолвок и так называемой «литературы намеков», существовавшей при театральной цензуре, у нас ввелось столько условных терминов, столько слов, которые выражают не то, что значат в своем прямом смысле, что мы беспрестанно чувствуем потребность оговариваться. В нашей периодической прессе принято, что когда говорят «театральная дирекция», то под этим собирательным названием следует разумеать единично чиновника Федорова, заведующего репертуарною частию. Во всем, что плохо в наших театрах, для большинства публики виноват г. Федоров. Должно признаться, что взгляд этот довольно странен, и особенно странен потому, что если театры чем-нибудь удовлетворяют публику, то о г. Федорове не вспоминают, а лишь только заходит речь о чем-нибудь неудовлетворительном, но тут сейчас за бока г. Федорова. Г. Федоров несет на себе все грехи дирекции. Все, что пропадает, все, что дурно идет, что не в меру дорого обходится, — все, решительно все падает обвинением на г. Федорова, и благо г-на Федорова заключается в том, что он уносит все эти обвинения в свой театральный дом с таким же спокойствием, с каким козел очищения уносил в дебри лесные грехи исповедавшихся над ним евреев. Иначе г. Федорову надо бы не жить, и будь на его месте другой, принимающий погорячее все слышимое к сердцу, — ему давно бы не жить.

А правильно ли, по заслугам ли построена чиновнику Федорову эта роль козла очищения театральной дирекции? Что такое чиновник Федоров? Чиновник Федоров ни больше, ни меньше, как начальник репертуарной части. Это вся область, в которой он поставлен. Но вполне ли он властен даже и в этой области, мы и это считаем сомнительным. Мы не дадим места никаким мелким частностям, доходящим до общества из театрального мира, но укажем на одно крупное явление, которого г. Федоров не может желать видеть и которое, однако, терпелось доселе с самым возмущающим безучастием, выводившим из терпения даже нашу публику.

Явление, имеющее на публику столь раздражающее впечатление, — это отношения, с давних пор установившиеся между двумя лучшими актерами драматической сцены: между гг. Самойловым и Васильевым 2-м.

По-видимому, обстоятельство для публики весьма безразличное, ладят или не ладят между собою г. Васильев и г. Самойлов, и даже не по чем бы ей было об этом и знать. Кому, мало-мальски любящему чистоту и опрятность, охота таскаться по черным ходам Александринского театра? Неладов этих публика могла бы не знать никогда, если бы сами высокопочтенные артисты, пользуясь слабостью дирекции, не дали воли своим непохвальным чувствам и не сделали их видимыми из зрительной залы. Публике, конечно, было бы приятно знать, что между ее любимцами Самойловым и Васильевым существуют добрые, товарищеские, и еще лучше — дружеские отношения, связующие их любовью к искусству; но публика могла бы оставаться без выражения своих мнений об этих неладах, если бы от них не страдала до крайней степени сама сцена. В Москве всем любителям театра, невольно интересующимся и самыми личностями театрального мира, известно, что гг. Шумский, Садовский и Самарин не представляют собою образцов великой приязни; но московский театр ни одного раза не мог